

Смена

ПРЕСЛЕДУЯ СИНЮЮ ПТИЦУ



Воскресный

гость «Смены» —

пианистка

Элисо

Вирсаладзе,

заслуженная артистка

Грузинской ССР

НЕСКОЛЬКО лет назад коллега из «Кругозора» так представил Элисо Вирсаладзе:

«Сколько истинной красоты даешь ты миру, Грузия! И буйные краски Пиросмани, и тонкие строчки Паоло Яшвили, и фантастический порыв Вахтанга Чабукиани, и искренность, свет, нежность игры Элисо Вирсаладзе...»

— Торопитесь, — заметил мне один музыкант. — Очень скоро на концерты Элисо невозможно будет достать билеты...

Большой успех пришел к пианистке впервые в 1959 году, на VII фестивале молодежи и студентов в Вене; в 16 лет она впервые стала лауреатом Международного конкурса. Три года спустя Элисо занимает среди молодых пианистов мира третье место на конкурсе имени П. И. Чайковского. А в 1966 году становится победителем конкурса имени Шумана, проводившегося в Германской Демократической Республике. Среди своих московских учителей она в первую очередь называет Генриха Нейгауза и профессора Я. Зака, ее руководители в аспирантуре Московской консерватории.

Элисо не любит, когда ее называют «восходящей звездой». Но десять с лишним лет концертной деятельности, выступления с выдающимися дирижерами и оркестрами мира во многих странах народной демократии, в Италии, Австрии, Голландии, Норвегии и Японии принесли ей поистине мировую известность. Каждый концерт талантливой пианистки — у нас ли в стране или за рубежом — вызывает пристальное внимание.

В Ленинграде Элисо Вирсаладзе бывает часто и давно уже успела стать любимицей широкой публики и музыкантов-профессионалов. Особая дружба связывает пианистку с ленинградским камерным оркестром, руководимым Л. Гозманом. Вот уже второй год Элисо вместе с этим замечательным музыкальным коллективом играет фортепьянные концерты Моцарта. Цель, которую они поставили, — исполнить в залах Филармонии весь этот интересный цикл (в нем двадцать семь концертов, многие из них очень редко можно у нас услышать), а затем выпустить серию записей. Недавно ленинградский филиал «Мелодии» выпустил одну из этих пластинок — 15-й и 17-й концерты Моцарта для фортепьяно с оркестром.

— Элисо, в концертах вы играете и Бетховена, и Шумана, и Брамса, и Чайковского... но больше всего — Моцарта...

— Я всегда не знаю, что отвечать, когда меня спрашивают, почему я люблю Моцарта. Как можно не любить Моцарта, я не понимаю!

Мне стоит послушать его в любом настроении, чтобы куда-то ушло все тяжелое, мелкое, неприятное, чтобы стало светло и ясно.

Помню, как-то на гастролях у меня был тяжелый день: устала, все какая-то суматоха вокруг, нигде было заниматься, не нашлось пустой комнаты с роялем, а назавтра — концерт. И вот тут я услышала по радио Моцарта. Теперь я уж точно не помню, что исполняли, но, знаете, послушала полчасика — и стало как-то легче. Какое-то сильное чувство появилось. Ведь какой была жизнь самого Моцарта, какое ему нужно было мужество, чтобы писать такую музыку!

У меня с детства эта привязанность к Моцарту. С восьми лет меня приучала играть его моя бабушка, профессор Тбилисской консерватории. И это никогда не было для меня через силу. Бабушке, наверное, я и обязана этим музыкальным воспитанием.

Сейчас очень любят много говорить о музыке. И музыканты, и музыковеды, и в публике. А мне всегда как-то не по себе стано-

вится — не много ли легко дающихся красивых слов, умно звучащих одинаковых рассуждений на каком-то искусственном (словно из технических справочников) языке...

О музыке надо говорить просто. Ведь хорошая музыка всегда проста: и Моцарт, и, если хотите, Шостакович. Надо только не противиться ей, надо слушать. И не раздражаться от того, что к такому вы не привыкли... Той же простотой прост и Моцарт.

— Помните, Ромен Роллан писал очень искренне и необычно о другом гении музыки: «Дорогой Бетховен... он больше, чем первый из музыкантов. Он самый большой, самый лучший друг всех, кто страдает и борется... И когда нас охватывает усталость... какое несказанное благо окунуться в этот животворный океан...»

Наверное, во многом то же можно было бы сказать и о Моцарте? Хотя сопоставление, на первый взгляд, необычно: мятежный, непобедимый Бетховен и светлый, утонченный Моцарт...

— Моцарт тоже непобедим, только по-своему.

Я часто задумывалась над его жизнью — читала тех, кто знал и любил его, читала письма самого Моцарта... Кажется, он испил всю чашу до дна — бесконечная забота о куске хлеба для семьи, униженная зависимость от заказчиков-меценатов, мелочная зависть, капризы моды и критиков...

Очень похожей была и жизнь И.-С. Баха: вечные дразги его коллег по капелле в Лейпциге, постоянная угроза лишиться места по прихоти городских советников, постоянное бремя житейских забот и мелочей... Да и считали его при жизни всего только хорошим органистом — его, Иоганна Себастьяна Баха, который останется современником любого столетия — так могущественна его музыка.

Так вот, когда задумываешься над загадкой духовной силы Баха и Моцарта, которую навсегда сохраняет их музыка, начинаешь понимать: их радостью и опорой была вера в гармонию и красоту, в одухотворенность человека, в добро и справедливость. Мир, в котором они жили, был не таким, но они мужественно отказывались признавать его всевластие над душами.

Они создавали в музыке свой, человеческий, гуманный и одухотворенный мир, над которым были не властны их временные хозяева... Этот жизненный подвиг они разделяли с поколениями писателей, мыслителей, революционеров.

Это наше теперь общее наследство, наше богатство, наша «книга жизни». Мы должны уметь ее читать... Не случайно и музыканты сейчас все больше обращаются к музыке старых мастеров.

— Чюрленис говорил: весь мир представляется мне большой симфонией... А вам, Элисо, не слышится эта «музыка сфер», по мнению древних, правящая Вселенной?

— Я все-таки не могу так сказать. Для меня мир все же де-

лится на музыку и «все остальное», пусть столь же важное и интересное, но другое.

Конечно, Чюрленис, стремившийся сблизить живопись и музыку, сделать зримой гармонию звуков в цвете и симфонических образах, шел очень смелым и плодотворным путем.

Не знаю, хорошо это или плохо, но вопреки распространенному у публики мнению, музыка никогда не вызывает у меня четких зрительных ассоциаций — никаких цепей сменяющих друг друга картин, пейзажей и т. п. И так же, я знаю, у многих моих коллег... Так что и восприятие музыки очень индивидуально.

А когда я играю, то вообще не могу сказать: думаю, чувствую, слушаю, переживаю ли музыку. Это все как-то вместе, это очень сложно, особое состояние, в которое вовлечены все твои силы и способности, и не одно из них нельзя выделить, ни одному отдать предпочтение...

А вся трагедия музыканта в том, что всегда понимаешь больше, чем можешь выразить, и выразить это никогда до конца не удается... Всегда себя упрекаешь и собой недоволен. При этом ведь помнишь: вокруг тебя так много хороших пианистов. Сегодня все очень хорошо играют.

— Со времени вашего зимнего концерта в Ленинграде вы успели побывать в Югославии, в Германской Демократической Республике, а в Амстердаме давали концерт вместе с Геннадием Рождественским. Потом были выступления в Москве, сейчас — опять у нас. Все обычно завидуют много гастролирующему по свету артисту: такая, кажется, легкая жизнь, столько видишь городов, своих и чужих... А потом, играешь «в свое удовольствие», и успех, цветы... Так ли все это, Элисо?

— Боюсь, если бы те, кто так себе представляет жизнь пианиста, знали, какой это тяжелый (даже просто физически) труд, они тотчас перестали бы завидовать внешней стороне. Аплодисменты — это ведь только немногие минуты из тех часов и дней напряжения, которые ты отдаешь концерту... Да и разве только репетициями или разучиванием именно этой вещи их можно измерить? Каждый день не меньше четырех часов мне нужно провести за роялем, чтобы хотя бы просто поддерживать себя в форме...

А гастролы? Меньше всего думаешь о том, что можешь увидеть, и все время — о том, что будешь играть. А когда предстоит играть с хорошим оркестром и с известным дирижером, разве это легко и не страшно? Конечно, на концерте все это не видно, знаете, как у айсберга: девять десятых — под водой.

И как утомительно жить все время в дороге, по расписанию поездов и самолетов. Ночью приехала — назавтра утром уезжать. Ночью, например, мы записываем с камерным оркестром концерт Моцарта, чтобы не мешал шум машин.

Вам покажется странным, а ведь мы очень мало видим во время гастролей. За рубежом, например, между концертами проходит от силы день-два, и то большая часть времени уходит на переезд в другой город. И если бываешь в музеях и бродишь по городу, то все за счет отдыха и сна... Помню, в первый раз у меня просто сил не было посмотреть Будапешт: так, побродила неподалеку от отеля, зашла в книжный магазин — и все...

Одним словом, наша профессия ничуть не легче многих. И у нас, как и у всех, много кропотливого труда, несмотря на цветы и аплодисменты... А успех, знаете, — вещь всегда очень опасная. Ведь так легко ему поддаться, расслабиться, позволить себе остановиться. Поэтому пока недоволен собой — значит, все в порядке.

Так надо все время думать...

Беседу вел
М. МАРКИН